

Розы на память

Из цикла «Рассказы о чудесном»

Звонок был ночной, долгий и надрывный. Телефон звонил, кажется, бесконечно, замолчал – и через минуту зазвонил снова. Виталий с трудом проснулся, помянул чертей – давно ведь хотели отключить городской телефон, не нужен он никому, но вот теща... то есть – бабушка. Нашупал выключатель, взял трубку.

- Клавдия Ильинична? – не дожидаясь его голоса, нервно спросили в трубке.

- Вы знаете, который час? – раздраженным вопросом ответил Виталий. – Клавдия Ильинична спит, остальные тоже, и вообще...

- Я знаю, который час, - перебил его звонивший – Виталий только теперь окончательно проснулся и понял, что звонил мужчина. – Я смотрю на часы, и не нужно звывать к моей совести. Но мне очень нужна Клавдия Ильинична, и если вы спросите – почему дело не терпит до утра, - я вам не смогу ответить. Могу только утверждать: не терпит.

Голос был странный – и требовательный, каким говорят начальники, и какой-то умоляющий, униженный одновременно. Такой, что Виталий поневоле смягчился.

- Ну, хорошо... сейчас... попробую разбудить.

Будить, однако, не пришлось. У стариков сон чуткий. Бабушка сидела на кровати, подслеповато щурилась в проем двери, ждала.

- Там вас. Какой-то ненормальный. Возьмите трубку у себя.

Клавдия Ильинична взяла трубку.

- Клавдия Ильинична? Это муж Виолетты. Ну, помните – в больнице, Виолетта, ваша соседка по палате? Клавдия Ильинична, нужно, чтобы вы срочно приехали. Я оплачу любые расходы – на такси, за визит...

- Ничего не понимаю, - сказала Клавдия Ильинична и потянулась за очками. – Сейчас знаете, сколько...

- Да знаю я, сколько сейчас времени! – вдруг сорвался мужчина на другой трубке – и тут же спохватился: - Простите, простите меня... Но без вас нам не справиться...

- С чем не справиться-то? – все еще ничего не понимая, спросила бабушка. И вдруг все поняла. – Господи!.. Хорошо, я немедленно приеду, хотя и не уверена, что помогу. Диктуйте адрес.

* * *

Клавдия Ильинична приходила в себя долго. Не те годы, чтобы козочкой выпрыгивать из наркоза. Она то открывала глаза и видела над собой белый больничный потолок, а чуть повернешь голову влево – большое пластиковое окно с отломанной ручкой, чтобы не открывали, то снова впадала в беспамятство. И все время хотелось пить – и в памяти, и в беспамятстве. Клавдия Ильинична яростно облизывала пересохшие губы, но язык был такой же шершавый, как и губы, и это не помогало. Можно было пить после операции или нет – ей никто не сказал, позвать сестру не хватало сил, а никаких кнопок-звонков вызова в этой палате, да и вообще в этой больнице, не было, и в короткие мгновения сознания она тоскливо смотрела на пустующую соседнюю постель – была бы соседка, так хоть ту попросила бы. Но соседняя койка отчего-то пустовала, и Клавдия Ильинична злилась на внучку и «празятя», как она называла внучкиного мужа, за то, что уложили ее, как «платную» больную, в двухместную палату. В ее произношении «платная» звучало как «блатная». Ей было неловко за свое, как ей казалось, особое положение, и теперь вот досадно за то, что некого попросить принести воды. В общей палате народу много, кто-нибудь да нашелся бы.

Ее привезли сюда на плановую операцию. Ничего экстренного, но камни в желчном пузыре существенно осложняли старость и в конце концов потребовали удаления вместе с пузырем. Внучку заранее предупредили: операция несложная, но...

- Сердце у бабушки ни к черту! – говорил грубоватый правдивый хирург. – Почти на той грани, за которой мы обычно отказываемся оперировать.

- Может, тогда и не надо? – спросила внучка.

- Я же сказал – почти... Будем резать. Но неожиданности возможны.

Внучка растерянно кивнула.

Клавдия Ильинична собралась умирать. В свои семьдесят пять она считала, что жизнь уже прожита, главное в ней сделано, и эти погребушки в желчном – аккомпанемент, под который она примет свою кончину. Мысленно попрощалась со всеми родными и близкими – и приготовилась к путешествию за кулисы жизни. Но операция прошла успешно, неожиданностей удалось избежать, из операционной ее благополучно перевезли в двухместную палату, стоившую немалых денег, зато с туалетом и душем.

Здесь она теперь и приходила в себя. Наконец, очнулась – и уже не отключалась больше. В голове еще шумело, но действие наркоза прекратилось. А вот пить хотелось еще сильнее. Клавдия Ильинична откашлялась, собралась уже закричать, позвать сестру или кого угодно, кто услышит – дверь палаты открылась, вошел лечащий врач Григорий Евстафьевич. Был он невысокого роста, в возрасте около шестидесяти, лысеющий, с каким-то убегающим взглядом, характерным для жуликов и латентных алкоголиков. Не был он, однако, ни жуликом, ни алкоголиком, просто такой уж особенностью природа наделила.

- Очнулась, моя хорошая? Как себя чувствуем?

Клавдия Ильинична, не в силах ответить – язык отказывался произносить слова, - вынула руку из-под одеяла, оттопырила большой палец. Доктор рассмеялся.

- И отлично! Сейчас все тебе измерим – давление, температуру, кардиограмму сделаем... Но я и так вижу – все отлично! Через час обед, подкрепишься...

- Водички бы мне, - попросила старуха, едва ворочая поленом языка. – Там под кроватью где-то должна быть бутылка, мне не достать.

Григорий Евстафьевич удивленно на нее посмотрел.

- Отчего ж не достать-то? Вот она, вода, руку протяни, - он поднял бутылку – та стояла у самой кровати, специально так, чтобы больная могла ее достать. Клавдии Ильиничне стало стыдно. «Что это я – и на внуку злилась, и вообще... Не такая уж я беспомощная...»

Она с жадностью выпила воды, осторожно поднялась, села на кровати, свесила ноги. Голова немного кружилась, но в общем, уже было ничего. Врач наблюдал за ней, прищутив глаза.

- Ну, ты пока не очень-то двигайся, все-таки позавчера была операция, - говорил он, надевая на руку манжету тонометра, - и вставать тебе пока рано, в туалет в утку ходи.

Клавдия Ильинична отрицательно замотала головой.

- Какая утка, что вы! Не умею я в утку!

- Научишься, ничего, - судя по тону, доктору было все равно, куда будет ходить старуха. – А сейчас – молчи, не разговаривай, давление меряем...

Давление оказалось в пределах нормы, температура тоже, врач ушел, привезли обед... Началась обычная больничная жизнь, скучная и неторопливая. Вечером пришла внучка, принесла домашней снеди, мандаринов. Есть ей можно было почти все, кроме того, что нельзя ни под каким видом: острого, кислого, соленого, маринованного, консервированного, жареного (ни в коем случае!)... остальное можно. Ну, остальное и ела.

Наконец, наутро подселили соседку.

Много моложе, чем Клавдия Ильинична, почти ровесница внучки, невысокая, но объемистая, круглая, соседка вошла решительно, пристально, с порога, оглядела палату, потрогала кровать, помяла рукой пружинный матрас. Только потом поздоровалась. Все это время за ее спиной молча стояла сестра-хозяйка. «Надо же, та еще стерва, а перед этой – как служанка, выстилается...» - подумала Клавдия Ильинична про сестру-хозяйку.

«Стерва» - потому что в момент очередного пробуждения Клавдия Ильинична увидела, с каким отвращением смотрит на нее эта женщина («змея очковая» - у сестры-хозяйки были очки в роговой оправе), с какой брезгливой гримасой она выносит утку (Клавдия Ильинична научилась ею пользоваться, куда деваться), услышала, как бормочет она себе под нос: «Вонючка старая...» И возненавидела эту стерву на всю жизнь.

До самой выписки.

И вот теперь сестра-хозяйка стояла по стойке «смирно» за спиной новой пациентки. Хотя в глазах все равно было написано, как она всех ненавидит – и старых, и тех, что помоложе.

Новая все одобрила, кивком отправила сестру-хозяйку восвояси, улыбнулась покровительственно Клавдии Ильиничне.

- Лежите? Ну, теперь вам не будет так одиноко.

Одиноко не было.

И скучно – тоже.

Новая – звали ее Виолетта, отчества она не назвала из кокетства, - бесконечно звонила в колокольчик, она его принесла с собой, очевидно, зная, что иным способом связаться с персоналом отделения не получится, - просила... нет – требовала то окно открыть, потому что душно – и открывали, несмотря на сломанную ручку, - то, наоборот, закрыть, потому что дует, то сменить полотенце... Сестры приходили, открывали-закрывали, меняли... Скоро Клавдия Ильинична узнала, чем объяснялось такое поведение. Соседка – жена важного краевого чиновника, пересидевшего всех губернаторов и до сих пор не помышлявшего об отставке. А вот почему не персональная палата ей досталась, а все-таки палата на двоих, хоть и с душем и туалетом – ну, не было в этой больнице персональных палат на одного.

Знакомились так.

- Зовут вас как? – Виолетта задала этот вопрос таким тоном, что Клавдия Ильинична невольно приподнялась на постели. Сказала.

- А отчество? – снова строго спросила соседка, и Клавдия Ильинична снова ответила, как на школьном уроке. И сама удивилась – чего это она так послушно, так подчиненно отвечает?

Соседка как будто облегченно вздохнула.

- Хорошо. Фамилию не спрашиваю – не запомню, да и фамилия, может, по мужу...

Клавдия Ильинична ничего не поняла.

- Я – Виолетта, - сказала соседка, - в девичестве Перышкина, - она особенно подчеркнула, даже протянула как-то: ПЕЕЕрышкина, то есть не «ё» второй буквой, а «е», - в замужестве... уж не знаю – говорить ли вам... ладно, скажу: в замужестве Касаткина, - и выжидательно замолчала.

Клавдия Ильинична машинально кивнула. Виолетта заметила, обиделась. Произнесла внушительно:

- Вижу – не поняли. Мой муж – Касаткин, председатель краевого правительства, первый зам губернатора. Если что не так – мы эту больничку на уши поставим!

Зачем было ставить на уши больницу, Клавдия Ильинична опять не поняла, как не поняла – зачем Виолетта спрашивала ее имя-отчество. Решила – ну, разные люди бывают, по-разному ведут себя, чудакуают... Все, однако, открылось скоро.

- Недоспала я сегодня, - Виолетта улыбнулась, поправила подушку, прилегла и, уже почти засыпая, проговорила: - Хорошо, что палата на двоих, и с вами мне повезло. Боялась я – положат с какой-нибудь... Сарой Абрамовной...

Соседка уснула. Ее ухоженные тела мерно колыхались под больничным одеялом.

* * *

Близко к вечеру пришел «празять» Клавдии Ильиничны. Они проводывали ее по очереди с внучкой. Он не отличался большой разговорчивостью, когда встречался с

«пратёшей», но и уходить сразу, оставив приготовленную дома еду и дежурно поинтересовавшись состоянием, было неловко. Нашел выход: показал пакет с книгами:

- Вот, зашел по пути в «Букинист», купил несколько книжек – старые издания, таких теперь нет, а в новом исполнении они мне не очень нравятся.

Клавдия Ильинична вежливо улыбалась – ей не очень понятны были книги, которые читали внучка с мужем. Зато Виолетта неожиданно заинтересовалась.

- О, молодой человек читает? Ну-ка, ну-ка! Я сама поклонница литературы, без книги не засыпаю, вот и с собой сюда прихватила, - она показала – что именно прихватила.

Это был женский роман, автора Виталий не знал. Но, как и теща, вежливо кивнул, хотя покровительственное «молодой человек» его позабавило: он был явно на пару лет постарше.

- Вижу, не близко вам это, - Виолетта кокетливо сложила губы. – Небось, детективы, боевики... как теперь говорят – экшен?

Виталий пожал плечами, усмехнулся:

- Такие тоже читаю. Но в «Букинист» за ними ходить глупо. Нет, тут – стихи, мемуары, литературные портреты.

- Стихи я тоже люблю! Что же купили – что-то редкое?

- Да как сказать... в некотором смысле редкое: «Камень» Мандельштама, репринт издания 1913 года. Ну и Шкловский Виктор Борисович – его давно не переиздавали, никому он теперь не интересен, а тут – сразу трехтомник. А еще – почти уже на выходе заметил, чуть не пропустил – замечательные воспоминания Льва Гинзбурга, знаменитого переводчика вагантов.

Виталий увлекся, доставал из пакета книги, любовно их разглядывал заново – и не видел, как напряглось лицо Виолетты. Очнулся только, когда Клавдия Ильинична вдруг закашляла громко и нарочито. Он поднял глаза. Виолетта смотрела на него настороженно, почти испуганно – так, как смотрят на душевнобольных, опасаясь внезапного приступа безумия. От этого взгляда он растерялся.

Виолетта медленно спросила:

- Что же вы – одних евреев набрали? – И, не дожидаясь ответа, через небольшую паузу еще более осторожно: - Вы – еврей?

Виталий отреагировал так скоро, что, кажется, даже сам не успел осознать и оценить поспешности реакции.

- А вы разве не видите? – изумление в его голосе было неподдельным. – Нос у меня, уши вот... Я и от картавости нашей фамильной избавился совсем недавно, два года к логопеду пришлось ходить. И читаю я, конечно, только наших. А всяких там антисемитов достоевских-гоголей на дух не выношу.

Виолетта, кажется, задыхалась, непроизвольно натягивала на себя одеяло.

Виталий вдруг наклонился к ней, сделал вид, что пристально вглядывается в лицо:

- А я ведь подумал, что вы – из наших... нет, вижу теперь – славянка. Ну, да ладно, я ни на кого не в обиде.

Теперь Виолетте явно не хватало воздуха, она взялась рукой за колокольчик...

- Позвать сестру? – Виталий участливо погладил ее по плечу – та шарахнулась к стенке. – Ничего, ничего, я сейчас буду выходить – скажу, что у вас приступ, пусть принесут чего-нибудь успокоительного.

Он наспех попрощался с «пратёшей» – та глядела на него с легкой укоризной и в то же время не могла скрыть веселого чертика в глазах, - выскочил из палаты. Его душил смех. На посту попросил сестру зайти к больной – «что-то задыхаться начала – может, приступ», - почти бегом вышел из корпуса и, уже не сдерживаясь, заржал. Так и сел в машину, продолжая смеяться и утирать слезы.

* * *

Никаким евреем Виталий не был. Хотя жил неподалеку от синагоги и порой задумчиво в ее сторону поглядывал. По рассказам покойной мамы, и даже не по рассказам – так, по туманным намекам – в крови отца текла какая-то капля семитской крови, которая и сыну передалась. Можно было ее не учитывать – он и не учитывал, пока... пока случай не представился. Он любил говорить о себе: «Из всех гнусностей человеческих проявлений больше всего не выношу расовой и национальной нетерпимости». Ну, вот и поактерствовал на славу.

Вечером рассказал жене – та слегка попеняла:

- Больная же тетка-то, чего ты...

Он объяснил: мало того, что эта дура кичится своим положением, да хорошо бы своим, а то – положением жены чиновного мужа, - так она еще и не стесняется свои кухонные убеждения высказывать. Жена его понимала и возражала не особо. Только предложила:

- Давай теперь я одна буду к бабушке в больницу ходить?

Он легко согласился.

А в палате Виолетте дали успокоительное, сделали укол – у нее была врожденная астма, и на нервной почве всегда обострялась, - она уснула. Клавдия Ильинична не спала. Она была женщиной ума не глубокого, воспитывалась не в культуре и не в довольстве, а часто в нищете и отсутствии всякой культуры. Зато была она человеком чуткой и чувствительной души. Лежала и думала про себя: «Вот почему люди бывают такими злобными? Ну, вот Виолетта эта. Ну, сколько ей – тридцать пять, сорок? Не больше. И повидала ведь, наверно, и жизнь, и страны другие... И людей разных. Может, и в Израиле была. Чего ей в своей-то жизни не хватает? Муж – большой чин, глядишь – и выше во власть пробьется. Значит, есть и деньги, и влияние, и возможности. И что ей сделали эти... евреи, - она почти вслух засмеялась, снова вспомнив «празятя», но спохватилась: спит соседка. – Как он ее ловко прибил! И без злобы, просто... подыграл. Вроде и жалко ее – так ведь недаром прибил, за дело...» Так, размышляя про себя, Клавдия Ильинична потихоньку уснула.

Виолетта легла на ту же операцию, что и Клавдия Ильинична: камни в желчном. Несмотря на молодой возраст, риск был: астма – не шутка. Все же на операцию она согласилась, а хирурги, оценив общее состояние, взвесив риски, в том числе высокое положение мужа, изъявили готовность оперировать. Операцию назначили на следующий день.

До того как Виолетту повезли на операцию, она с Клавдией Ильиничной не разговаривала. Оскорблено складывала пухлые губы и не смотрела в сторону соседки по палате. Клавдия Ильинична только посмеивалась про себя: «Вроде взрослый человек, а ведет себя, как ребенок... Обиделась, что «празять» у меня не тех кровей, вот смех-то! Ничего. На сердитых воду возят...» Так и ушла соседка на операцию – с поджатыми губами и взглядом мимо.

Операция прошла благополучно, Виолетту привезли. Она, как в свое время Клавдия Ильинична, была еще в полусознании, ее осторожно переложили с каталки на кровать, укрыли одеялом. Довольно скоро больная пришла в себя, яростно облизала губы, молитвенно посмотрела на соседку – Клавдия Ильинична, не дожидаясь просьбы, дала ей воды.

- Спасибо, - прошипела Виолетта и опять уснула. Губы ее даже во сне складывались презрительно и обиженно.

Клавдии Ильиничне ставили капельницы, кололи уколы. По утрам давали таблетки. То же ожидало и ее соседку по палате. Однако, в отличие от Клавдии Ильиничны, Виолетте уколов ставили больше – в ягодичы, конечно. Возможно, это было связано с астмой, а может, и не было никакой связи – Клавдия Ильинична в медицине не разбиралась, слепо полагалась на искусство врачей. Виолетта же просто не допускала мысли, что с ней, женой Касаткина, могут сделать что-то не то. Когда входила

процедурная сестра, она молча поворачивалась на живот, оголяла то, что положено, терпела. Так продолжалось три дня, в течение которых Виолетта с соседкой почти не разговаривала. Все еще дулась.

Арина, внучка Клавдии Ильиничны, приходила к бабушке каждый вечер, вежливо здоровалась. Виолетта молча кивала и делала вид, что читает книжку. Клавдия Ильинична бровями показывала: мол, не обращай внимания. Арина и не обращала. Разговаривала с бабушкой, говорила: Виталий занят очень, потому не приходит. Бабушка снова бровями и глазами показывала: понимаю, вслух же произносила незначачее:

- Ну да, у него работа...

Глаза при этом смеялись. Виолетта всё слышала, хмурилась в книжку.

Сама она с мужем общалась три дня только по телефону – он был страшно занят, прийти не мог и так сочувствовал ей – по телефону. Пришли к ней только на четвертый день, и не муж пришел, не дети (их двое), а домработница пришла. Звали ее Саня. Худая, энергичная, лет сорока пяти, она сразу заполнила палату позитивными эмоциями и сразу расположила Клавдию Ильиничну. Виолетта же смотрела на нее недружелюбно, почти враждебно.

Саня весело отчитывалась:

- У Клары с Ефимом в школе все хорошо, прийти не смогли – нагрузка, уроков много, на дом задают столько – лечь-умереть! Но привет вам. Александр Борисович по командировкам с губернатором – край причесывают, к нам же президент собирается, смотреть будет – как готовимся к этой... - она запнулась: - ...стипендиате, что ли?

- Универсиаде, - с ненавистью поправила ее Виолетта.

- Вот никогда не zapomню, лечь-умереть! – Саня с восторгом посмотрела на Клавдию Ильиничну – та невольно засмеялась. Домработнице, похоже, было все равно, как относится к ней хозяйка. – Ну, тоже привет посылал...

Виолетта рывком откинула одеяло, села на кровати, хотела сказать что-то резкое – в это время в палату вошел Григорий Евстафьевич.

- Привет, девочки! – он весело на всех посмотрел, присел на кровать к Виолетте. – Ну, как у нас дела?

Виолетта брезгливо отодвинулась, снова накрылась, попросила сухо:

- Вы бы не могли пересесть на стул?

Доктор перестал улыбаться, пересел.

- Но осмотреть-то себя вы мне позволите? Я попрошу остальных отвернуться, - в вопросе явно звучала насмешка, и Виолетта взвилась.

- Во-первых, попрошу со мной больше таким тоном не разговаривать, - ее собственный тон был почти визг, - во-вторых...

- Да-да, я знаю, - уже без всякой улыбки, устало перебил ее доктор, - в случае чего, вы поставите эту больничку на уши. Я уже слышал это от вас, - он вдруг наклонился к ней и сказал тихо – так, что слышали все, но прозвучало зловеще: - Я вам честно скажу: мне эта, как вы выражаетесь, больничка осточертела давно, и ставьте ее хоть на уши, хоть на попа – мне все равно. Я – без пяти минут пенсионер, выгнать меня до пенсии не выгонят, даже если я... в общем, даже если ваши родственники, высокие начальники, будут не очень довольны результатами лечения, - он смотрел на нее пристально, и Виолетте, судя по всему, стало страшно. – У нас нет врачей, не хватает, а я – заслуженный, кандидат наук, гордость этой... больнички, пропади она пропадом. Вы мне совершенно не симпатичны, и лечить я вас не хочу. Но – еще раз: врачей нет, и я... вы не поверите: я еще помню, что такое клятва Гиппократата... и вот я вынужден заниматься не только вот этой замечательной старушкой, - он кивнул в сторону Клавдии Ильиничны, - но и вами.

Виолетта ошарашено молчала. Доктор тоже помолчал немного, потом улыбнулся снова своей обворожительной улыбкой.

- В общем, предложение такое: давай... прошу прощения – давайте мирно сосуществовать, пока вы здесь, - и еще раз придвинулся к ней почти вплотную, произнес

свистящим шепотом: - У вас ведь все равно другого врача и другого выхода нет...
Согласны?

Она молчала. Бабушка и Саня наблюдали за всем с плохо скрываемым восторгом.

- Лечь-умереть, - прошептала Саня.

- Молчание – знак согласия, - весело произнес Григорий Евстафьевич и приподнял на Виолетте одеяло. – Позвольте-ка, посмотрим, что у нас там со швами, измерим давление, температуру, сердечко ваше послушаем...

Та машинально подчинилась.

Когда доктор попросил ее сесть на постели, Виолетта вдруг болезненно сморщилась.

- Что такое? – участливо спросил Григорий Евстафьевич.

- Так попу в решето превратили своими уколами, еще спрашиваете – «что такое»? – она все-таки по привычке пыталась вернуть положение главной.

- Ага, - сказал доктор. – Что ж, сейчас и это посмотрим и решим – как облегчить ваши страдания, - он снова не скрывал иронии, но Виолетта уже не протестовала.

Уложив ее на живот и приподняв ночнушку, Григорий Евстафьевич внимательно осмотрел места уколов, почесал в затылке.

- Мда... среднего медперсонала у нас тоже не хватает... Значит, так. Страшного ничего нет, хотя, понимаю, больно и неприятно. Когда выпишут вас, дома нужно будет несколько дней подряд прикладывать капустные листья на места уколов – народное средство, проверенное, все и рассосется. Здесь с капустными листьями не выйдет, вас все равно еще нужно будет колоть, поэтому... - он опять почесал затылок. – Вам бы йодовую сеточку на ночь поделать. Только вот кто вам рисовать ее станет? К вам же за четыре дня впервые пришли, - он взглянул на Саню.

Виолетта хотела снова ответить что-то резкое – тут неожиданно вмешалась Клавдия Ильинична:

- Доктор, а давайте я сетку нарисую! Делать-то мне все равно нечего. А я у себя в квартире ванную так расписала – любо-дорого!

Григорий Евстафьевич и Саня рассмеялись, Виолетта поджала губы. Доктор повернулся к ней:

- Не возражаете? Не знаю, что тут у вас произошло – похоже, вы не очень подружились с соседкой, - но, честное слово, это лучшее, что можно сейчас придумать. Бабушка сможет делать сетку каждый вечер, и вам действительно будет лучше, - он уже не смеялся, говорил серьезно, как подобает врачу.

Виолетта нехотя согласилась.

* * *

Последующие дни проходили так. Каждый вечер после процедур Клавдия Ильинична брала в руки кисточку – обычную, рисовальную, которую принесла ей внучка, - обмакивала в йод и рисовала на попе Виолетты узоры. Ей скучно было просто чертить сетку, и она выводила то райских птиц, то деревья, то и вовсе узника за решеткой. Места для того, чтобы написать «Сижу за решеткой в темнице сырой», уже не хватало, несмотря на довольно вместительный «холст». Медсестры, ставящие вечерами уколы, тихонько хихикали – Клавдия Ильинична тайком показывала им: «Молчите, не выдавайте!» Виолетта ничего не подозревала. Картины, впрочем, размывались скоро – вероятно, в организме Виолетты недоставало йода. К соседке по палате вельможная пациентка нехотя привыкла и даже простила Клавдии Ильиничне праятия «не нашей масти», как она выражалась. Сочувствовала.

- Жаль, конечно, что у вашей внучки такой вот муж, - говорила она, с сожалением глядя в подушку, когда Клавдия Ильинична наносила на ее круп очередной узор, - но что тут поделаешь? Сердцу не прикажешь. Любовь зла, полюбишь и... - она замолкала, не решаясь даже произносить вслух ненавистное слово.

Клавдия Ильинична улыбалась.

Виолетта ничего не знала о том, как живописен ее зад, до той поры, пока однажды, наконец, не пришел навестить ее муж – сам Касаткин. Он появился неожиданно, как раз в тот момент, когда Клавдия Ильинична заканчивала очередной пейзаж. В густой низкой траве цвели лилии. Не хватало цвета, пейзаж лишился живописности, и Клавдия Ильинична про себя сокрушалась этому обстоятельству. Касаткин вошел так, что она не услышала, нанося последний мазок. Очнувшись от хохота за спиной. Испуганно оглянувшись – было поздно. Удалось только послать в мужа Виолетты умоляющий взгляд. Тот все понял правильно – недаром пересидел трех губернаторов.

Виолетта дрогнула, повернула голову:

- А, ты... Наконец нашел время! – В голосе слышались и радость, и обида. – А что смеялся-то?

- Красиво тут у вас! – Касаткин не нашел других слов.

Виолетта недоуменно уставилась на мужа.

- У нас? Красиво?!

Ума она была небогатого.

Александр Борисович еще раз хмыкнул напоследок, протянул руку навстречу освободившейся руке Клавдии Ильиничны.

- Будем знакомы: Касаткин. А вы, значит, и есть Клавдия Ильинична, которая спасает мою жену от шишек и синяков? – он при этом доброжелательно улыбался.

Бабушка молча кивнула. Потом подумала и сказала:

- Уж как спасаю – не знаю, но стараюсь.

Касаткин подмигнул ей так, чтобы не увидела жена. Та не поняла ничего. А потом Александр Борисович очень деликатно рассказал ей, что соседка по палате не просто делает ей йодовую сетку, а рисует пейзажи.

- Твой попа теперь – произведение искусства! – сказал он.

Виолетта было задыхнулась от злости – и как-то сразу поняла, что злиться не на что и не на кого. Ну кому какая разница, что у тебя там... нарисовано? Смирилась. И даже посмотрела на соседку с любопытством, неумело скрывающим уважение.

Свидание продолжалось недолго – председатель правительства торопился на службу. Прощаясь, еще раз пожал Клавдии Ильиничне руку:

- Выздоровливайте! Если что не так – жалуйтесь. Мы эту больничку мигом на уши поставим!

Клавдия Ильинична вздохнула.

* * *

Выписывали их почти разом, Клавдию Ильиничну на день раньше. Виолетта уже не косилась на нее, выражала полное признание. И даже телефон попросила напоследок. И еще сказала:

- Вы уж мне там на память что-то такое нарисуйте, что долго не сойдет! – и засмеялась своей шутке.

А когда бабушка макнула кисть в йод, вдруг произнесла задумчиво и осуждающе:

- Хорошая вы старушка, только вот зять у вас...

Внутри Клавдии Ильиничны хрустнуло, как будто сломалось что-то. «Что ж ты... испортила все...»

По привычке вздохнула – и нарисовала розовый куст. Богатый, красивый, хотя и в один тон, а все равно – живописный.

Из больницы ее забрал на машине Виталий.

А на следующий день Александр Борисович Касаткин отправил служебную «Камри» за женой. Причины «ставить эту больничку на уши» не было, и Виолетта, плавно поводя телесами, ушла с миром. Даже попрощалась снисходительно.

И вот спустя неделю – ночной звонок, и Клавдия Ильинична, несмотря на возраст и неважное здоровье, едет на вызванном такси по названному адресу. О том, в чем причина

звонка и нервного поведения мужа Виолетты, бабушка догадалась еще дома, во время телефонного разговора.

Касаткин встретил ее у подъезда.

- Спасибо вам, что не отказали! Что делать – знаете?

Клавдия Ильинична отмахнулась:

- Да не знаю я ничего! Пойдемте, посмотрим – может, что придумаю.

- Как же так? – взвился Касаткин. – Что ж вы – дел натворили, а как исправить – не знаете? Да я...

- На уши меня поставите? – Клавдия Ильинична посмотрела на правительственного чиновника с любопытством. Тот осекся. – Ладно, пошли, показывайте – что там. А то ведь я и обратно такси могу вызвать.

Касаткин молча распахнул подъезд.

Дело же было вот в чем. Розовый куст, нарисованный Клавдией Ильиничной на богатом «холсте» Виолетты Касаткиной, никак не хотел стираться. Более того: он расцвел, покрылся колючими шипами, и шипы эти вонзались в тело обладательницы пышных форм. Она не могла сидеть, спать на спине, но даже лежа на животе – не могла ничем укрываться. И чем больше злилась на автора этого «произведения», тем больше кололись шипы. В конце концов, жизнь ее через неделю после больницы окончательно превратилась в ад. Она отыскала телефон бабушки, попросила мужа позвонить.

...Клавдия Ильинична долго и с большим изумлением рассматривала творение своих рук. Подняла голову на Касаткина.

- Понимаете, я ведь этого не рисовала. Оно само...

- Что само? – не понял Касаткин.

- Ну... как-то этот куст сам растет и шипы выпускает.

Он обалдело уставился на старуху.

- Вы... ты... вы понимаете – что говорите?!

- Что говорю – понимаю, - задумчиво произнесла Клавдия Ильинична. – Не знаю только – что делать с этим...

Касаткин несколько секунд молчал, потом разразился такой бранью, которой от председателя правительства слышать было странно. А закончил так:

- Я сейчас в полицию позвоню, и тебя, старая вешалка, закروют надолго за шарлатанство!

Клавдия Ильинична внимательно посмотрела на чиновника. Тихо спросила:

- А вы тогда сами эти розы срежете? Или нюхать их станете до конца жизни? –

Касаткин ловил ртом воздух. – Выйдите отсюда, не мешайте работать. Спасибо скажете потом, позже. Только йод и кисточку принесите.

Он не нашел ничего возразить, вышел. Через минуту принес йод с кисточкой.

Открыл рот, чтобы снова пригрозить старухе – та глянула на него так, что рот захлопнулся сам собой. Касаткин снова вышел.

За все это время сама Виолетта не произнесла ни слова, только тихонько постанывала, лежа на животе. Клавдия Ильинична некоторое время поколдовала над ее тазом, что-то там нарисовала. Отложила кисть.

- Не уверена, что поможет, но надеюсь.

- Что значит – «не уверена»?! – Виолетта подскочила, одергивая ночную рубашку. – Что значит – «надеюсь»?! Да я тебя... да мы... - и снова застонала: шипы вонзились.

Клавдия Ильинична вышла, не слушая.

Касаткин стоял у двери спальни, нервно тер лоб. Было уже скорее рано, чем поздно. Встретил Клавдию Ильиничну вопросительным взглядом. Она махнула рукой:

- Думаю, поможет. Сами там все увидите. Такси мне вызовите, - и, через паузу:

Пожалуйста...

...На обширном заду Виолетты, рядом с розовым кустом, красовался огромный садовый секатор, нарисованный все тем же йодом. Увидев это, Касаткин снова виртуозно выматерился.

- Ну, курва старая, погоди, дождемся утра! Сгною, ведьма!

А Виолетта вдруг уснула. И проснулась наутро с ощущением легкости в теле. Ноздри щекотал какой-то странный, душноватый аромат. Рядом, на простыне, лежали срезанные розы цвета йода и невыносимо пахли.

А секатор так остался там, где был нарисован. Никакими средствами свести его не удалось.

Впрочем, он никому и не мешал.

02.08. 2017г.